

- ²⁰ Сто одна телнеделя с Ириной Петровской. С. 366, 374.
²¹ Богомолов Ю. А. Хроника пикирующего телевидения, 2000–2002 / Ю. А. Богомолов. М., 2004. С. 8.
²² Там же. С. 50, 54–55.
²³ Там же. С. 27.
²⁴ Багиров Э. Указ. соч. С. 6.
²⁵ Вартаков А. Указ. соч. С. 25.
²⁶ Там же. С. 35.
²⁷ Короченский А. П. Указ. соч. С. 25.
²⁸ Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» / К. С. Аксаков // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., 1982. С. 47.

- ²⁹ Иванов В. И. Родное и вселенское / В. И. Иванов. М., 1994. С. 142.
³⁰ Искусство кино. 1965. № 3.
³¹ Кузнецов Г. В. Указ. соч. С. 133.
³² Сто одна телнеделя с Ириной Петровской. С. 347.
³³ Там же. С. 152.
³⁴ Там же. С. 87.
³⁵ Дондурей Д. Война за смысл: Телевидение – не только информация, но и механизм террора / Д. Дондурей, А. Роднянский, Л. Радзиховский // Искусство кино. 2004. № 9. С. 5.
³⁶ Петровская И. Играем в дурака / И. Петровская // Известия. 2005. 28 янв.

УДК 882.09+929 Ульянов

«НАШЕ СЛУЖЕНИЕ РОССИИ...» К 100-летию со дня рождения и к 20-летию со дня кончины Николая Ивановича Ульянова

В. В. Прозоров, Д. В. Желтов

Саратовский государственный университет,
 кафедра общего литературоведения и журналистики
 E-mail: Prozorov@sgu.ru

Статья В. В. Прозорова и Д. В. Желтова посвящена литературному критику, представителю второй «волны» русской эмиграции Николаю Ивановичу Ульянову. Судьба Ульянова, появление его текстов в фондах Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич Саратовского госуниверситета, восстановление права быть включенным в единый контекст отечественной словесности – такой основной круг проблем, поднимаемых в работе.

"Our Service to Russia..." To the 100th Birth Anniversary and the 20th Death Anniversary of Nikolai Ivanovich Ulyanov

V.V. Prozorov, D.V. Zheltov

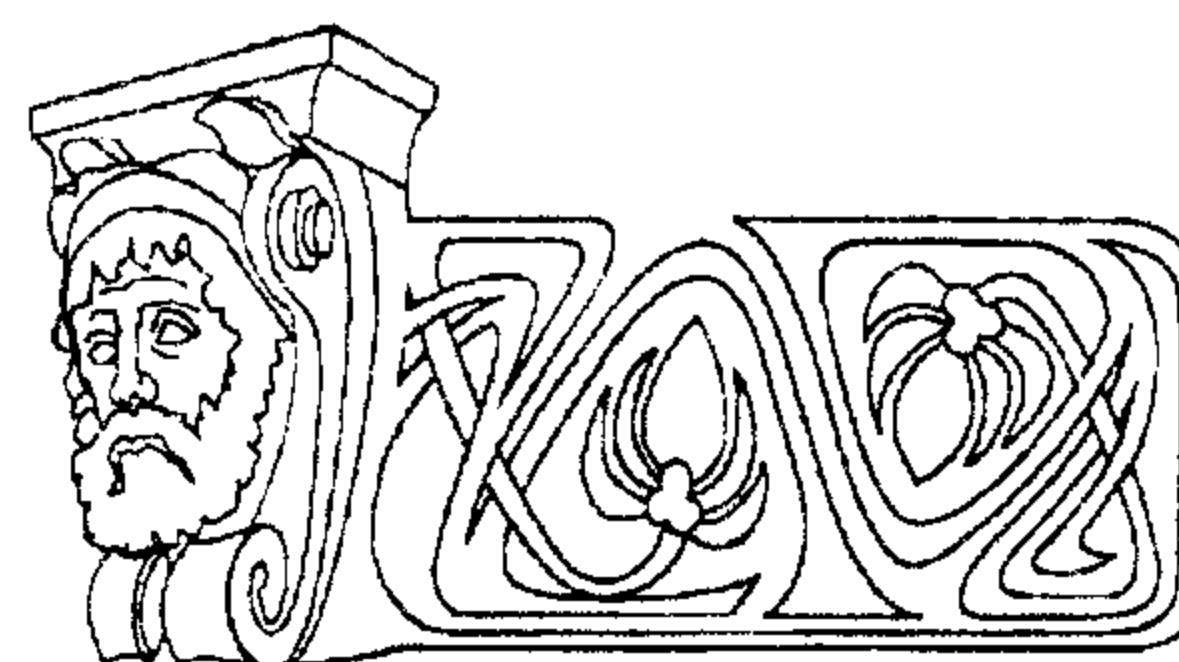
The article by V.V. Prozorov and D.V. Zheltov is dedicated to literary critic Nikolai Ivanovich Ulyanov, a representative of "the second wave" of the Russian emigration. The article is concerned with Ulyanov's fate, appearance of his texts in the fund of the V. A. Artisevich Zonal Scientific Library of Saratov State University, and Ulyanov's re-inclusion into the context of the Russian letters.

Нам поручен огонь культуры,
 чтобы вернуть его родной земле
 в тот день, когда откроется дверь туда.

Н.И. Ульянов

Н.И. Ульянов – один из выдающихся деятелей гуманитарной науки и духовной культуры русского зарубежья прошлого века. Его биография пронизана истинным драматизмом.

Ульянов прожил на земле 80 лет. Родился в 1904 г., в канун первой русской революции. Не стало его в 1985 г., в канун нашей перестройки¹.

Зональная научная библиотека Саратовского университета (ЗНБ СГУ) в 1990-е гг. значительно пополнилась зарубежными изданиями его трудов (главным образом прижизненными) благодаря дружеским эпистолярным связям вдовы Ульянова Надежды Николаевны с Верой Александровной Артисевич и другими саратовцами, в числе которых и один из авторов этой статьи.

Н.Н. Ульянова в самом начале 1990-х гг. послала в дар нескольким большим библиотекам России избранные работы своего мужа. Пришла такая ценная посылка и в ЗНБ СГУ. В. А. Артисевич, бессменный в течение многих десятилетий директор библиотеки, женщина редкого обаяния и удивительной энергии, надсленная от природы исключительным даром общения, мгновенно откликнулась на неожиданный подарок². Завязалась переписка³.

Надежда Николаевна щедро одарила нашу университетскую библиотеку книгами и статьями Ульянова и работами, ему посвященными.

В этом ценном ряду – историко-поэтический роман «Атосса» – о наших дохристианских предках, о бесславном походе Дария в Скифию, роман «Сириус» – о России в

Первую мировую войну (с эпитафией из Владислава Ходасевича «Проклятье вечное тебе, Четырнадцатый год!»), цикл оригинальных рассказов «Под каменным небом», сборники историко-литературных и литературно-критических статей, рецензий, некрологов, воспоминаний разных лет о Ремизове, Ходасевиче, Марке Алданове, Борисе Зайцеве, о многих других наших замечательных соотечественниках («Диптих», «Свиток», «Спуск флага», «Скрипты» и др.).

«Ваш интерес к работам Николая Ивановича, – признавалась Надежда Николаевна Ульянова Вере Александровне Артисевич в письме от 1 марта 1992 г., – радует меня. Ведь всё, что им написано – для русского читателя – в надежде, что когда-то он это прочтёт».

В другом письме (от 2 июня 1993 г.) Н. И. Ульянова вспоминает: «Я – сибирячка, училась и окончила мединститут в Иркутске... С мужем познакомилась в Москве, когда была там во время каникул. Эпистолярно знакомство продолжалось год, и я не думала, что закончится оно супружеством. Теперь, в 79 лет, часто вспоминаю нашу жизнь, прожитую в гармонии, дружбе, любви, счастье и в несчастье».

У Надежды Николаевны были все основания для таких итогов. Биография её мужа, а затем и их общее жизнеописание печально типичны для русского XX века.

Ульянов родился и вырос в Петербурге. В 1927 г. он окончил историко-филологический факультет Ленинградского университета, где и продолжал (вплоть до ареста в 1936 году по обвинению «в контрреволюционной пропаганде») работать под началом своего учителя академика С. Ф. Платонова.

Потом – Соловки, Норильские рудники, нежданное освобождение в 1941 г., вынужденная работа ломовым извозчиком (по иронии судьбы – в Ульяновске). Война. Рытьё окопов на фронте под Вязьмой, немецкий плен, дерзкий побег из Дорогобужского лагеря.

Шестьсот вёрст опасного пешего продвижения по оккупированной врагом территории. Жизнь в глухой деревушке под осаждённым Ленинградом. Неожиданная счастливая встреча с женой Надеждой Николаевной (поженились они незадолго до ареста Ульянова).

Отправка вместе с ней на принудительные работы в Германию, работа автоген-

ным сварщиком в лагере Карлсфельд под Мюнхеном. Потом, после войны, Марокко, Франция, Канада, с 1955 г. – Соединенные Штаты...

Последние десятилетия – преподавательская работа в Йельском университете в Нью-Хевене, сотрудничество в эмигрантских русских изданиях, частые поездки с Надеждой Николаевной в страны Европы: осмотр старинных городов, посещение библиотек и музеев...

В Нью-Хевене на могиле Н. И. Ульянова высится гранитный обелиск с выгравированным на нем православным крестом и с эпитафией-четверостишием из Георгия Иванова:

За пределами жизни и мира
Всё равно не расстанусь с тобой.

.....

И Россия, как белая лира
Над засыпанной снегом судьбой...

Лишённый возможности работать с российскими историко-архивными документами, Ульянов на Западе выбрал себе путь историка-эссеиста, прозаика, литературного критика и публициста, исследователя русской литературы и культуры. Он стал и одним из авторитетных летописцев русской эмиграции. «Было время, – говорил он в 1952 г. про первые послереволюционные десятилетия, – русская эмиграция могла высоко держать голову и быть предметом всеобщего внимания. Это когда она располагала величайшим культурным наследием, вывезенным из России. Лучшие писатели, музыканты, художники, балет, опера, виднейшие представители науки ушли в изгнание <...> Придёт время, когда этот период <...> станет предметом специальных исследований, о нём будут написаны книги, и тогда в полной мере откроется, какими огромными силами располагала зарубежная Россия»⁴.

Он был независим и свободен в своих суждениях об истории и современности. Всею душой был предан родине. О судьбе отечества и об ориентации России на европейские ценности рассуждал трезво и честно: «После Петра вся физиология нашей умственной жизни неразрывно связана с физиологией Запада. У нас нет иного пути, кроме западного. Но какие тернии растут на этом пути! Мы – единственный народ, обложенный высокой духовной пошłościю при въезде в Европу <...> Тип подлинно русского евро-

пейца не принимается Европой <...> За двести лет наше западническое лицо ничего кроме плевков или снисходительных усмешек не получало от Европы». И ещё одно очень острое, провидческое заключение, сделанное в 1962 г.: «Политические лозунги Запада зовут не к свержению большевизма, а к расчленению России»⁵.

Эту мысль он последовательно развивал в разных своих выступлениях. Так, в речи, произнесенной им 5 августа 1951 года, в день русской культуры в Касабланке (Марокко), Ульянов, на полвека опережая время, предсказывал: «С падением большевизма испытания России не кончатся; возникнет опасность распада её на множество мелких государств, и в этой беде спасти её может опять только культура <...> Наше служение России есть служение прежде всего культурное»⁶.

Очень часто в эмигрантских кругах (особенно в среде эмигрантов так называемой «третьей волны») он оказывался чужим среди своих. Ульянов писал, как жил: честно, откровенно, самобытно⁷. Он не любил связывать себя (пользуясь выражением Ф. М. Достоевского) «веревками чужих убеждений». Его живо интересовали деликатнейшие вопросы, связанные с понятиями «национальное чувство», «национальное самосознание», «национальная сущность». Ульянов был убежден, что всё это не предметы для риторических упражнений, не сюжеты для многолюдных громкоголосых митингов и других страстных словопрений. «Нация, – писал он, – есть величайшая определенность и величайшая неопределенность. Подобно божеству, она не терпит вложения перстов и эмпирического изучения. Испытующая рука хватается пустоту, как при попытке обнять бесплотный призрак»⁸.

Истинное национальное чувство, настаивал Ульянов, это прежде всего самоощущение, которое складывается веками, растёт, «как дерево, без шума»... Национальное же сознание часто сопровождается разного рода экзальтированными декларациями, манифестациями, безудержной пропагандой. «Национализм нового времени, – отмечал Ульянов, словно бы откликаясь на нынешние затяжные межэтнические и межнациональные распри, – не от народной толщи, а от политической элиты»⁹.

О «забывчивых», не помнящих родства Ульянов говорил так: «Все ненавидящие отчизну начинают с ненависти к её «проклятому прошлому». И добавлял: подлинный патриотизм не знает выборочных предпочтений, не знает скрытого или явного презрения к собственной истории, «как у французов, которые, любя королевский период своей истории и гордясь им, воздвигают памятники Дантону, всем деятелям Революции»...

В ученом-гуманитарии Ульянов, вслед за своим учителем С. Ф. Платоновым, более всего ценил «исследовательскую остроту открытия новых фактов и искусство восстановления исторической картины на их основе, а не отвлеченные умозрительные спекуляции»¹⁰. Вместе с тем нет и не может быть, считал он, отстраненного, холодно-педантичного или надменно-недоброжелательного по-стижения истины, в том числе и истины исторической, историко-литературной, литературно-критической. Истина не является нам вне сердечной привязанности, вне любви к предмету специального усмотрения. Ульянов писал об особых приметах этой любви, «чуждой страстных порывов, ровной, зато постоянной и глубокой. Иначе свой специальный предмет начинают либо по-сумасшедшему любить, либо по-сумасшедшему ненавидеть»¹¹.

Ульянову был близок и дорог подход к художественному тексту, предполагающий внимательное и бережное «раскрытие чужого произведения». Ему принадлежит методологическое откровение, касающееся важнейших исходных принципов профессиональной работы литературного критика: «первая забота критика – как можно меньше мешать пониманию произведения»¹². Бесшумное погружение в текст приближает исследователя и критика к затаённому в тексте и освещенному авторской волей пронзительному поэтическому смыслу.

Оспаривая тезис Д. С. Мережковского о чеховском «бытописательстве», в котором ощущается «тошнота и скука бреда», Ульянов пишет: «Что это за скука, когда в привычных вещах человек видит то, чего не видят другие? Это открытие. А открытие не бывает скучным. Страшным и полным трагизма – да, но скучным – никогда»¹³. В статье о Ходасевиче Ульянов выскажется ещё точнее: «Истинный художник и подлинное искусство начинаются там, где хотят сказать что-то о «неизъяснимом», чего мир доселе не

знал»¹⁴. Пытаться угадывать и определять эти художественные озарения – трудный и счастливый удел литературного критика и литературоведа.

Собственная исследовательская манера Ульянова – органичный сплав доказательно-аналитического и интуитивно-эмоционального начал. С полным доверием он относился к возможностям «интуитивного постижения» поэтического мира, открытого навстречу чуткому и заинтересованному читательскому вниманию.

Одна из вершин его критики текста – статья 1959 г. о гоголевском «Носе» – «Арабеск или Апокалипсис». Впервые в науке о Гоголе Ульянов тщательно рассматривает знаменитую сцену в Казанском соборе, где Нос, невероятным образом сбежавший с лица майора Ковалева, набожно молится: «Не домом молитвы, а филиалом Гостиного двора представлен у Гоголя Казанский собор». Ульянов пишет о родственной близости гоголевского произведения картинам Иеронима Босха: «Ни у кого торжество нечистой силы, её завладение миром не показаны с такой наивной простотой и экспрессией... Появление Носа – высшая степень затмения умов и наиболее яркое выражение призрачности мира... Майору Ковалеву и в голову не приходило, как близок он был к истине, когда говорил: «Черт хотел подшутить надо мной»¹⁵. Ульянов умел увидеть и определить прежде не угадывавшиеся нравственно-поэтические импульсы, мерцающие в глубинах художественно-целостных текстов.

Сложным и справедливым было отношение Ульянова к «подсоветской», как он говорил, гуманитарной (прежде всего исторической и филологической) науке.

Во-первых, он отчетливо различал официальную или догматическую науку, её адептов именовал «хранителями марксистско-ленинской ортодоксии», «марксистами сталинской эпохи» (к их числу Ульянов относил, например, литературоведа В. В. Ермилова), их отношение к художественному тексту определял как «грубое насилие над изучаемым материалом в угоду методу».

Во-вторых, в жестких тисках политически ангажированной науки Ульянов различал гуманитариев-реформистов, склонных к осторожной рефлексии, к тихоголосой ревизии

краеугольных догматов, к более или менее вольной их интерпретации. В разных контекстах в этой связи Ульянов вспоминает работы П. Н. Сакулина, В. Ф. Переверзева, С. Д. Балухатого и др.

Особая роль отводилась филологическим штудиям, в скрытой полемике с официальной идеологией провозглашавшим «всеобщество приёма» в художественной словесности: В. Б. Шкловский с пущенным им в оборот термином «остранение», «школа Шкловского–Эйхенбаума», В. В. Виноградов – исследователь гоголевского «Носа» и «носологии» и др. Это было, по Ульянову, «формальное» литературоведческое течение, усматривавшее «в приёме и материале самодовлеющее начало, сущность и единственный ключ к пониманию художественного произведения», сурово «проработанное» и «куда-то задвинутое»¹⁶.

И наконец, ещё один, наиболее близкий Ульянову, феномен «подсоветского» литературоведения. Он охарактеризован в статье 1966 г. «Чехов в театре Горького» (по поводу гастролей Московского Художественного академического театра в США в феврале 1965 г.). Главный вывод Ульянова-рецензента недвусмысленно отчетлив: «Зло рутины, против которого подняли бунт Немирович и Станиславский, вернулось в стены созданного ими учреждения в худшем виде»¹⁷.

Ульянов проникновенно пишет о «музыке чеховской пьесы, построенной на полутонах», о «врубелевской завороченности глаз, которые видятся при чтении «Вишневого сада», о сестрах Прозоровых – «тонких скрипках и флейтах – чистых интеллигентных существах», о том, что «драма у Чехова разыгрывается не в явном, а в скрытом плане, не в том, что говорится и делается, а что таится за речами и поступками действующих лиц»: «Одним коротким словом, паузой, недоговоренностью выражается больше, чем длинным монологом»¹⁸.

Впервые читая эту статью, ловишь себя на мысли, как близок Ульянов в своем понимании законов чеховской драматургии к ныне широко известным исследованиям о Чехове, принадлежащим перу профессора Саратовского университета Александра Павловича Скафтымова... И вознаграждаешь себя таким неожиданным по тем временам при-

знанием, которое делает автор на последней странице своей статьи-рецензии по поводу мхатовских гастролей: «Талантливый саратовский литературовед Александр Скафтымов (ныне, кажется, покойный)¹⁹ ближе всех подошел к пониманию нераздельно слитых формы и содержания чеховских пьес. Чехов, по его словам, увидел совершающуюся драму жизни в бытовом её течении, в обычном самочувствии, самом по себе, когда ничего не случается».

Прочитав Скафтымова по его книге, изданной в Саратове в 1958 г.²⁰, Ульянов заключает: «Вот бы из чего исходить постановщикам “Вишневого сада” и “Трех сестер”»²¹.

Факт многозначительный: мы далеки ещё от истинных представлений о глубинных внутренних связях нашей трагически расщепленной в XX веке, изо всех сил сопротивлявшейся драматическим обстоятельствам жизни отечественной культуры, русской гуманитарной мысли.

Н.Н.Ульянова писала: «Мне очень хочется, чтобы работы моего мужа достигли России, для которой он жил. Здесь (в эмиграции) его печатные и устные выступления вызвали восторг, зависть и злобу. Прибежали также и к замалчиванию. Когда в 1962 г. Николай Иванович был приглашен в Париж повторить свой доклад “Исторический опыт России”, один из слушателей пожелал написать об этом отзыв. Редактор газеты “Русская мысль” г. Водов согласился принять отзыв, но предупредил: “Только не хвалите!”. Хотя лично Водов был в хороших отношениях с Николаем Ивановичем. Многие из тех, кто в печати старался статьи Николая Ивановича шельмовать, искали с ним знакомства».

У Николая Ивановича не всегда была благоприятная обстановка для творчества. Но воля и дух его не были сломлены даже пятилетней каторжной работой в концлагере СССР. Никогда в жизни он ни у кого не просил ни денег, ни положения. Довольствовался тем, что имел. Но к своим писаниям относился очень строго. Каждую задуманную книгу долго вынашивал, прежде чем оформить её на бумаге... Вся жизнь его была служением России»²².

В последнем письме в Саратов от 6 февраля 2000 г. Надежда Николаевна признавалась: «Наша жизнь с Николаем Ивановичем,

несмотря на многие тяжести и невзгоды, была счастливой и гармоничной. Сейчас живу воспоминаниями о прошлом. Это согревает меня в моем горьком одиночестве и помогает мне не падать духом...»

Только что вернулась из Флориды, где пробыла три недели. Океан очень хорошо взбадривает, а палящее солнце угнетает. Посему местные жители шесть месяцев сидят в закрытых домах с искусственным охлаждением, а на пляжах бодрствуют только туристы. Во Флориду сейчас съезжаются остатки старой русской эмиграции. Это “молодёжь”, все пенсионеры от 65 до 90 лет, материально обеспеченные, жизнь свою устраивают по возможности интересно. Но все думают о России, интересуются событиями на родине, надеются на её исцеление. Много жертвуют на детские дома и в монастыри. Но время берет своё, и зарубежная Россия уходит в Лету».

Наследие Н. И. Ульянова медленно, но верно, с полным на то правом возвращается на его историческую родину.

Примечания

¹ См.: Сечкарев В. Н. И. Ульянов – эссеист и ученый. К семидесятилетию / В. Сечкарев // Новый журнал. Нью-Йорк, 1975. № 119. С. 261–266; Зеньковский С. А. Верный флаг. Памяти Николая Ивановича Ульянова / С. А. Зеньковский // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. № 160. С. 268–274; В. С. [Самарин В.] Служение России. Памяти Н. И. Ульянова / В. С. [В. Самарин] // Вече. Мюнхен, 1985. № 18. С. 193–196; Отклики: Сб. ст. памяти Н. И. Ульянова. Нью-Хевен, 1986. 248 с.

² О жизни и судьбе В. А. Артисевич (1907–1999) см.: Библиотечная легенда. К юбилею директора Зональной научной библиотеки Саратовского университета Веры Александровны Артисевич. Саратов, 1996. 256 с.

³ В письме Вере Александровне Артисевич от 27 января 1996 года Н. Н. Ульянова с горечью заметит: «В своё время я многим русским библиотекам послала книги Николая Ивановича, но от них не получала подтверждения о получении, хотя всегда об этом просила» (все письма Н. Н. Ульяновой к В. А. Артисевич хранятся в домашнем архиве Э. Л. Шаталиной (дочери В. А. Артисевич); кроме того, мы приводим фрагменты писем Н. Н. Ульяновой к В. В. Прозорову, хранящиеся в его домашнем архиве).

⁴ Ульянов Н. Культура и эмиграция / Н. Ульянов // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. № 28. С. 264.

⁵ Ульянов Н. Исторический опыт России / Н. Ульянов // Ульянов Н. Скрипты / Н. Ульянов. Мичиган, 1981. С. 225, 226.

⁶ Ульянов Н. Культура и эмиграция / Н. Ульянов // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. № 28. С. 265.

⁷ Н. Н. Ульянова в письме к В. В. Прозорову от 11 августа 1996 года отмечала: «Николай Ивановича «зловред-

ность» критиков не расхолаживала, и шел он своим путем. Издатели и редакторы газет и журналов охотно всегда публиковали его статьи, не было случаев отказа. Он рад был тому, что был самостоятельным, не зависимым ни от какой партии и мог писать о том, что хотел. Темы у него рождались обильно, и многое он не успел осуществить, в частности, очень хотел написать книгу о русской деревне во время немецкой оккупации. Свидетелями этого времени мы были сами. Позднее мы всегда вспоминали с гордостью и благодарностью о героизме и патриотизме русского крестьянства в это страшное время».

⁸ Ульянов Н. Патриотизм требует рассуждения / Н. Ульянов // Ульянов Н. Диптих / Н. Ульянов. Нью-Йорк, 1967. С. 145.

⁹ Там же. С. 149.

¹⁰ Ульянов Н. С. Ф. Платонов / Н. Ульянов // Ульянов Н. Спуск флага / Н. Ульянов. Нью-Хевен, 1979. С. 127.

¹¹ Ульянов Н. Памяти М. Алданова / Н. Ульянов // Там же. С. 145.

¹² Ульянов Н. Десять лет / Н. Ульянов // Ульянов Н. Скрипты / Н. Ульянов. Мичиган, 1981. С. 21.

¹³ Ульянов Н. Мистицизм Чехова / Н. Ульянов // Ульянов Н. Свиток / Н. Ульянов. Нью-Хевен, 1972. С. 17.

¹⁴ Ульянов Н. Застигнутый ночью / Н. Ульянов // Там же. С. 41.

¹⁵ Ульянов Н. Диптих / Н. Ульянов. Нью-Йорк, 1967. С. 49, 53, 56, 59.

¹⁶ Там же. С. 42.

¹⁷ Там же. С. 63.

¹⁸ Там же. С. 68. О статье «Чехов в театре Горького» В. Сечкарев писал: «Она содержит глубокую интерпретацию Чехова под знаком его отношения к смерти; «Вишне-

вый сад» возводится, и как убедительно, в трагедию борцов за веру в красоту жизни, не уступающих до конца и разбитых под конец той другой, низкой жизнью, которая «прёт и побеждает» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1975. № 119. С. 263).

¹⁹ А. П. Скафтымов скончался в Саратове в 1968 г.

²⁰ Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе / А. П. Скафтымов. Саратов, 1958. 390 с. Вероятнее всего, в условиях железного занавеса экземпляры книги А. П. Скафтымова попали за рубеж (в том числе и оказались в поле зрения Ульянова) благодаря смелым и небезопасным по тем временам инициативам и хлопотам Ю. Г. Оксмана. В письме к Скафтымову от 24 декабря 1958 года Оксман сообщал: «...я был очень обрадован вашей книжкой, хотя ждал её уже давно, и она не явилась для меня неожиданностью... Мне хотелось бы, чтобы вы прислали мне два-три экземпляра для отправки за границу» (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / предисл., сост. и подгот. текстов А. А. Жук: публ. В. В. Прозорова // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. Вып. 2. С. 281-282).

²¹ Ульянов Н. Чехов в театре Горького / Н. Ульянов // Ульянов Н. Диптих / Н. Ульянов. Нью-Йорк, 1967. С. 80. Откликаясь на выход в свет сборника «Диптих», рецензент А. Небольсин сближает оценки чеховской драматургии, принадлежащие Н. И. Ульянову, с родственными суждениями А. П. Скафтымова: в статье «Чехов в театре Горького» Ульянов «показывает, что советский театр не понял Чехова, не понял «щемящий смысл бытового течения жизни» (выражение А. Скафтымова)» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 91. С. 288-289).

²² Из письма Н. Н. Ульяновой В. В. Прозорову от 4 октября 1999 г.

УДК 271.2(470-89)«16»+929 Зизаний

ЛАВРЕНТИЙ ЗИЗАНИЙ И ЕГО КНИГА «БЕСЕДОСЛОВИЕ»

С.В. Клейменова

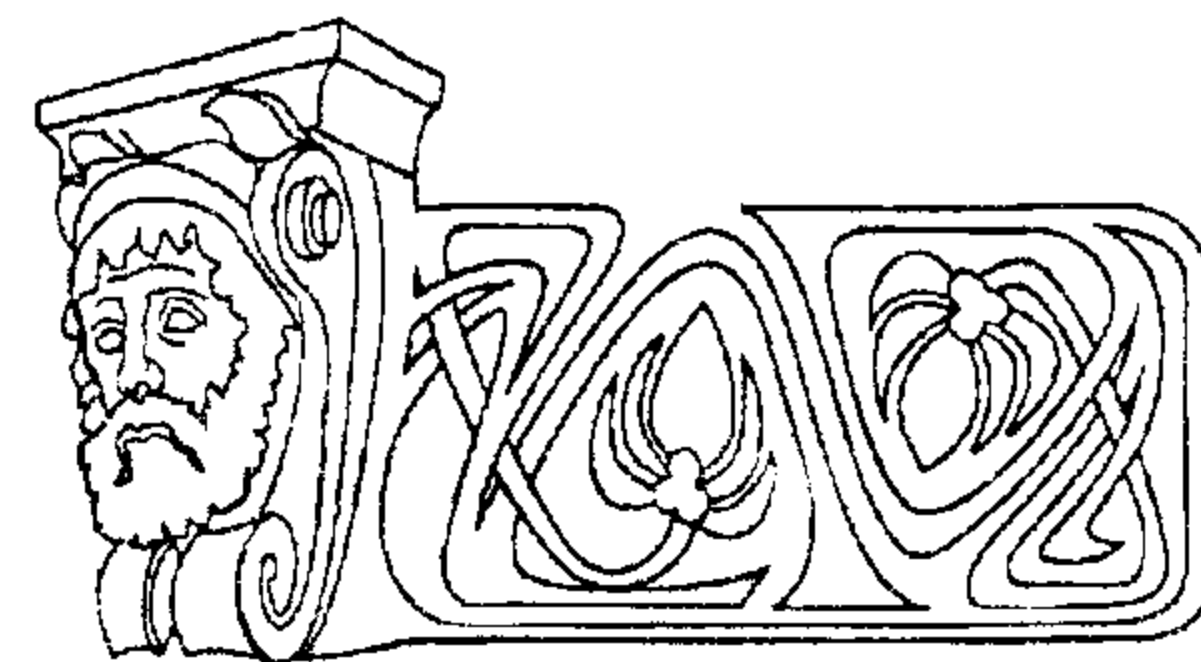
Зональная научная библиотека им. В. А. Артисевич,
отдел редких книг и рукописей
E-mail: ork@sgu.ru

Статья посвящена церковному писателю Лаврентию Тустановскому (Зизанию), бежавшему из Польши в Москву под покровительство патриарха Филарета. В отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки хранится список составленного Зизанием «Катехизиса», переименованного патриархом в «Беседословие» в связи с изданием книги в Москве.

Lavrentij Zizaniij and His Book «Besedoslovije»

S.V. Klejmenova

The article is devoted to the writer of church Lavrentij Tustanovskij (Zizaniij) who has run away from Poland to Moscow under the protection of Patriarch Filaret. In the Department of Rare Books and Manuscripts of the Zonal Scientific Library there is the list of «Katekhizis» compiled by Zizaniij, which was renamed by Patriarch into «Besedoslovije» with the issue of the book in Moscow.

Имя Лаврентия Зизания, деятеля церкви, книжника, просветителя, хорошо известно историкам русской культуры XVII в. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона говорится: «Зизаний (Лаврентий Тустановский) – протоиерей, известный западно-русский ученый. Первоначально был преподавателем в львовском братском училище, откуда в 1592 г. перешел в Брест, затем в Вильну, где в 1596 г. издал азбуку и славянскую грамматику; был воспитателем у князя Александра Константиновича Острожского в Ярославле Галицком. Переехав в 1626 г. в